

Двое детей, и двенадцать лет спустя я жила "Американской мечтой". Мы только что купили новый дом в хорошем, безопасном пригороде, и у нас обоих была отличная, хорошо оплачиваемая работа.

Мы были достаточно успешны, чтобы иметь постоянную няню, гаитянку, которой я наслаждалась (что имеет смысл, только если вы знаете историю Доминиканской Республики и Гаити и нашу сильную неприязнь друг к другу, хотя мы живем на одном острове).

Я вырвалась из исторических цепей физического труда в моей семье и была успешным бухгалтером, работая в крупнейшей фирме города (когда я получила диплом, за меня даже шла своего рода война предложений).

Я была самым успешным членом своей семьи и единственной, кто не занимался черной работой вроде уборки домов. Я была (и остаюсь) гордой доминиканкой, которая хотела быть образцом для подражания для своих многочисленных племянниц и племянников и показать им, что, в отличие от их матерей (почти все мои двоюродные сестры были грязными шлюхами, которые раздвигали ноги перед кем угодно), они могли выбраться из Доминиканской республики и чего-то добиться сами.

Конечно, Джонатан и я защитили себя от соблазна расового сексуального подчинения, сыграв дома множество различных сценариев (более подробно о нашей расовой ролевой игре я расскажу позже).

По иронии судьбы, всякий раз, когда я возвращалась в Доминиканскую Республику навестить своих родителей, которые переехали туда через пару лет после того, как я окончила среднюю школу, я была подавлена своей большой семьей, которая была сексуальными маньяками. Мои двоюродные братья-мужчины хватили меня за задницу, обхватывали мои сиськи и пытались переспать со мной, пытаясь запятнать имидж "золотой девочки", которого я достигла благодаря своим академическим и профессиональным успехам (мои родители скрывали мой сексуальный скандал на выпускном курсе). Мне также было стыдно за своих двоюродных сестер, у которых к двадцати годам уже были дети. Я ругала их за то, что они такие шлюхи и раздвигают ноги перед любым парнем.

Конечно, мои двоюродные братья и сестры понятия не имели о моих собственных сексуальных табу и были бы рады увидеть, как я падаю с пьедестала, на который меня возвели мои родители и их родители. Они были бы рады увидеть, как "золотая девочка" с высокомерным американским образованием сбивает несколько колышков.

Итак, на публике я была профессионалом; феминисткой; гордой доминиканкой, у которой дома даже был гордо выставлен мой национальный флаг.

Тем не менее, за фасадом скрывалась шлюха, которой нравилось, когда ее использовали. Которой нравилось, когда на ее лицо брызгали спермой. Нравилось, когда ее анус расширяли, даже больше, чем когда наполняли ее пизду. Любила разыгрывать ролевые игры с подчинением, в которых она была стереотипной латиноамериканкой: офисной шлюхой для

своих коллег, горничной, стриптизершей или вынужденной убеждать офицера по депортации разрешить ей остаться.

Несмотря на то, что я гордая латиноамериканка, моя самая большая фантазия - это постоянно лишать меня доминиканской гордости и в конце концов превращать в шлюху, кончающую со всем офисом.

Как ни странно, моя фантазия вот-вот должна была стать реальностью, хотя и не так, как я когда-либо могла себе представить.

...

Богатая титулованная итальянка, которая также училась в Гарварде, хотя и за несколько лет до меня, была назначена новым генеральным директором... потому что ее папа владел фирмой.

Она была претенциозной, чванливой и законченной стервой... стервой, которая, казалось, сразу же невзлюбила меня.

Сначала я не могла понять почему. Предыдущий генеральный директор любил меня, и мне всегда предоставляли счета крупнейших компаний из-за моей трудовой этики и скрупулезности.

В течение первого месяца она беседовала один на один со всеми своими сотрудниками, и в первую же минуту я поняла, что ее неприязнь ко мне граничит с ненавистью.

Она сказала: "Лиз, я тобой недовольна, догадываешься почему?"

Будучи самой собой и ненавидя, когда меня называют Лиз, я поправилась: "Меня зовут Элизабет, мэм".

Она драматично вздохнула и сказала: "Отвечай на вопрос, Лиз".

Я была явно раздражена тем, что она пыталась навязать мне свою власть, но, понимая, что мне, вероятно, не следовало поправлять ее, я честно ответила: "Честно говоря, я не знаю, мэм".

Она встала из-за своего стола и обошла вокруг меня. Она спросила, глядя на меня сверху вниз, создавая явную смену власти между ней и мной: "В чем разница между тобой и мной?"

Я хотела сказать: "У тебя богатый папочка, который дал тебе эту работу", но это не показалось мне хорошим карьерным шагом.

Вместо этого я на мгновение задумалась и ответила: "Вы итальянка, а я доминиканка".

Сразу же в моей голове снова всплыл Вон, он тоже был итальянцем.

"Ну, это тоже есть", - кивнула она, прежде чем продолжить: "Я одеваюсь как профессионал, а ты одеваешься так, как будто собираешься стать стриптизершей".

Я могла бы пошутить, что на самом деле беру уроки танцев на шесте и что одной из моих новых фантазий было стать стриптизершей, но это тоже не казалось хорошим карьерным шагом.

И все же я была обижена. На мне была синяя блузка, черная юбка и практичные туфли на дюймовых каблуках.

И наоборот, на ней была блузка с цветочным узором, короткая кожаная юбка и до смешного глупые пятидюймовые каблук... если кто и был непрофессионалом, так это определенно она.

И все же я не могла этого сказать.

Поэтому я сказала: "Я не понимаю, мэм".

"Профессиональные женщины носят нейлоновые чулки", - объяснила она.

Я всегда терпеть не могла колготки, надевала их только на свадьбы и похороны... Я даже не надевала их на свою собственную свадьбу.

Я объяснила: "О, извините, мэм. Это никогда раньше не вызывало беспокойства в фирме, и я никогда не была их поклонником".

Она сказала: "Это профессиональное заведение, и ты будешь одеваться соответственно".

"Да, мэм", - кивнула я, чувствуя себя униженной, от чего, как ни странно, у меня намокли трусики, что немедленно меня унизило.

Затем она продолжила долгий, в основном односторонний разговор о своем видении фирмы. Время от времени она задавала мне вопросы, но в основном это было похоже на отношения учителя и ученика.

Как только меня отпустили, я задумалась, почему я промокла, когда она меня унижала. Да, если бы она была мужчиной, это имело бы смысл, но я никогда не думала о том, чтобы быть женщиной.

Я отмахнулась от этого и сосредоточилась на том, чтобы доказать, что я замечательная сотрудница, выйдя на улицу и купив несколько разных пар колготок. Я всегда считала их лишними из-за того, какие у меня и так темные ноги (на самом деле мне казалось забавным, что белые женщины пытаются выглядеть черными, надевая черные колготки, или выглядеть индианками, надевая колготки темного цвета).

<http://erolate.com/book/4029/110644>